

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ КАК СРЕДСТВО МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕНСИВНОСТИ АБСТРАКТНОГО ПРИЗНАКА

Сочетаемость отвлеченных существительных часто отражает способность человеческого мышления представлять абстрактные понятия как явления, существующие в физическом пространстве. Слова с пространственной семантикой, выступая в роли определителей абстрактных существительных, нередко метафорически характеризуют интенсивность отвлеченного признака.

Рассмотрим особенности использования пространственной модели для выражения степени проявления эмоций и сенсорно воспринимаемых явлений.

При существительных, обозначающих эмоции, регулярно используются параметрические прилагательные во вторичном значении степени. Например: *большая радость, глубокая тоска, высокое наслаждение* и т.д. Такого рода метафоры “из средств создания образа превращаются в способ формирования недостающих языку значений” [Арутюнова:163]. В роли интенсификаторов способно выступать значительное количество размерных прилагательных (*большой, огромный, великий, глубокий, высокий, широкий, длинный* и др.) Однако частотой употребления и широкой сочетаемостью с существительными, обозначающими эмоции, характеризуются лишь *большой, великий, глубокий*. Каждое из прилагательных часто оказывается закрепленным в своем узуальном употреблении за определенным существительным. Например: *глубокая жалость*, но не **большая жалость, *великая жалость; большое счастье, великое счастье*, но не **глубокое счастье*. (Данные узуального использования анализируемых лексем приводятся с опорой на “Словарь эпитетов” К.С.Горбачевича, Е.П.Хабло и словарь “Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке” В.И.Убийко.)

Определить мотивированность такой избирательности в сочетаемости с точки зрения современного языкового сознания не представляется возможным: прилагательные выражают здесь значение интенсивности в чистом виде, без дополнительных семантических характеристик.

Как правило, в художественных произведениях отмеченная избирательность сочетаемости наблюдается достаточно часто. Слу-

чай употребления недопустимых с точки зрения узуса сочетаний нередко оказываются обусловленными какими-либо языковыми закономерностями. Так, использование прилагательного *большой* при существительных *волнение, беспокойство, гнев, возбуждение* получает закрепленность за определенной синтаксической конструкцией: *быть / находиться в том или ином состоянии*. Например: *Обе они были в большом волнении* (Пастернак); *Софья Матвеевна была в большом за него беспокойстве* (Достоевский); ... *Она рассердилась, не могла сдержаться и громко кричала... Орала вздорно, постыдно, как можно орать только в большом гневе* (Трифонов).

Небезынтересно, что отмеченная грамматическая конструкция является выразителем пространственной метафорической модели: осмысление состояния субъекта как вместилища, эмоционально “охватывающего” человека.

Показательно, что в рамках обозначенной грамматической конструкции не фиксируются градационные синонимы прилагательного *большой*: *огромный, громадный*. Например, невозможны сочетания *огромное волнение, громадный гнев*. (Ср. свободную сочетаемость слов *огромный, громадный* с существительными, для которых интенсификатор *большой* является узуальным: *огромная радость, огромная любовь, громадное счастье*).

Слабая степень проявления признака обозначается при помощи параметрических прилагательных редко. Так, деинтенсификатор *маленький* фиксируется в основном при обращении автора к приему антитезы. Например: *Он не разбирал, какая это была любовь, большая или маленькая, страстная или не страстная, порочная или не порочная* (Л.Толстой); *Так же, как и раньше, работали, ели, пили, спали, умирали, рожали, любились, ненавидели, дышали солоноватым с моря ветерком, жили, одолеваемые большими страстями и малыми страстишками* (Шолохов).

Как уже было отмечено, рассмотренные интенсификаторы представляют собой стертые метафоры. Восстановление в контексте художественных произведений внутренней формы таких метафор направлено на создание ярких пространственных образов. Подобного рода примеры довольно широко представлены в литературе рубежа 19-20 веков в соответствии с характерным для этого периода стремлением к использованию нестандартных языковых средств. Фиксируется обновление метафоры путем ее развертывания. Так, на фоне языковой метафоры *глубокая скорбь* в произведении В.Брюсова “Огненный ангел” возникает следующий пространственный образ:

Скорбь без устали рыла в душе Ренаты черный колодезь, все глубже и глубже вонзая лопаты, все ниже и ниже опуская свою бадью,

и нетрудно было предвидеть день, когда удар заступа должен был перерубить самую нить жизни (Брюсов).

Изменение нормативной сочетаемости путем создания на основе традиционного определения оригинального эпитета приводит к пополнению состава “пространственно ориентированных” интенсификаторов. Например: *глубокая любовь* → *обмелевшая любовь*; *широкая радость* → *распахнутая радость*. Во вновь созданных сочетаниях нет нарушения смыслового согласования, здесь, по определению В.Н. Телия, соблюдается ассоциативный потенциал слова [Телия:285]. Например: *В эту пору обмелевшей любви мы с Ренатой то целыми днями не видали друг друга, то опять бросались один на другого в порыве вспыхнувшего желания, то падали в провалы вражды и злобы* (Брюсов); — *Мой! — и о каких наградах Рай — когда в руках, у рта — Жизнь: **распахнутая радость** Поздороваться с утра!* (Цветаева).

Устойчивым средством характеристики интенсивности чувств человека оказывается использование метафорической модели “вместилище”. Выражение высокой степени проявления эмоций осуществляется при помощи метафорического образа заполненности ими определенного пространства. Таким пространством, как правило, выступает человеческий организм: сердце, душа как средоточие внутреннего мира человека или все тело. Например: *Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты* (Достоевский); *Переполненный беспричинной радостью...я опасался, что Визи, утомленная моей долгой болезнью, не подымется во время прогулки до уровня моего настроения и, следовательно, нехотя разрушит его* (Грин); *Все тело, все существо Меркулова проникается блаженной животной радостью* (Куприн).

Наибольшей экспрессией отличаются примеры, где наблюдается отчетливая конкретизация пространственных границ: *...Арбузов вдруг вскочил и сел на кровать, охваченный чувством дикого ужаса и нестерпимо физической тоски, которая начиналась от сердца, переставшего биться, наполняла его грудь, подымалась до горла и сжимала его* (Куприн); *И от колен Вплоть до корней Вставших волос — Ужас.* (Цветаева).

Заполненность внешнего пространства при характеристике эмоций актуализируется крайне редко. Сюда могут быть отнесены примеры метонимического переноса типа: *Курени, куда вернулись казаки хозяевами или жданными гостями, полнились радостью* (Шолохов).

Или же для выражения интенсивности проявления чувств автор обращается к какому-либо условному пространственному об-

разу, например, наполненного сосуда: *И, наконец, увидишь ты, Что через край перелилась Восторга творческого чаща...* (Блок).

В сфере существительных, обозначающих сенсорно воспринимаемый признак, также отмечается активность использования пространственной модели в качестве средства метафорической характеристики интенсивности признака. Рассмотрим специфику употребления “пространственно ориентированных” интенсификаторов в этой области. Так, параметрические прилагательные, прочно закрепившиеся в языке во вторичной номинации для выражения высокой интенсивности эмоций, для указания на степень проявления сенсорно воспринимаемого признака не являются типичными. К общеязыковым интенсификаторам принадлежит лишь лексема *глубокий*, характеризующая степень проявления тишины, темноты. Причем в словосочетаниях *глубокий мрак*, *глубокая мгла*, *глубокая тьма* определение служит не столько выразителем интенсивности, сколько средством создания экспрессии, т.к. информацию о высокой степени проявления признака существительные содержат в своих лексических значениях.

При сочетании с существительными, обозначающими звучание, свет, запах, размерные прилагательные, сохраняя пространственную семантику, характеризуют интенсивность признака образно. Зафиксированные словосочетания имеют ярко выраженный окказиональный характер: *огромная музыка* (Грин), *широкий бас* (Андреев), *широкие звуки* (А.Толстой), *огромное благоуханье* (Пастернак), *широкий свет* (Ахматова), *большой свет* (Есенин).

Их контекстное окружение также часто направлено на реализацию пространственных образов. Например: *Оттуда доносились широкие, во весь размах разгульных рук, звуки гармонии и топот ног* (А. Толстой); *А из векового графининога сада... заплывало во весь рост деревьев огромное, как стена большого здания, трущобно-пыльное благоуханье старой зацветающей липы* (Пастернак); *В окна широкий свет Вплывал, и пахло зимой* (Ахматова).

Особого внимания заслуживает индивидуально-авторское употребление эпитетов *маленький*, *огромный*, *громадный* при существительном *голос* в произведениях А.И.Куприна.

Голосок у него был маленький, но приятного тембра, послушный и верный (Куприн. Гранатовый браслет); *...звук его огромного голоса сразу наполнил все закоулки дома...* (Куприн. Поединок); *Вдруг, покрывая сразу эту бурю проклятий, божбы и ругани, раздался громадный голос Кузьмы Сотника...* (Куприн. Конокрады). Ср.: *Осадчий славился... не только в полку, но и во всей дивизии своим необыкновенным по размерам и красоте голосом...* (Куприн. Поединок).

Возможность пространственно ориентированной характеристики лексем *свет*, *звук*, *запах* обусловлена свойствами обозначаемых ими денотатов: наличием источников возникновения явлений, их способностью к распространению. Так, высокая степень проявления сенсорно воспринимаемого признака может быть обозначена путем актуализации значения широкой сферы распространения явления. В этом случае в качестве интенсификаторов выступают обстоятельства меры пространства. Например: *Постепенно к этому шуму присоединился слышимый на много верст женский хохот* (Булгаков); *И далеко окрест в неподвижном воздухе растлился запах душистого, свежего дегтя...* (Андреев); *...полные звуки раздавались на весь лес...* (Пастернак).

Характеристика сенсорно воспринимаемых явлений возможна не только с точки зрения пределов их распространения, но также и посредством указания на заполненность явлением актуального на данный момент пространства. “Величина” при этом не является значимой – в качестве “вместилища” могут выступать: угол – квартира – дом – город и т.д. О высокой степени проявления признака в подобных случаях свидетельствуют глаголы: *заполнить*, *наполнить*, *залить*, *затопить*, *покрыть* (представленные в активных и пассивных конструкциях: *свет залил комнату; комната залита светом*); прилагательное *полный* (*комната полна светом*); а также выражения, подчеркивающие полноту занимаемого пространства, типа: *по всему...*, *во все углы*, *до краев*, *до самого купола*, *до последних закоулков* и т.д. Например: *И город был полон веселым рождественским звоном* (Ахматова); *Колонна врезалась в распахнутую калитку церковной ограды... до самого купола налилась церковь стуком шагов* (Шолохов); *В бронзовой лампе вспыхнул розовый свет и залил весь угол* (Булгаков).

Особый способ выражения интенсивности сенсорно воспринимаемого признака наблюдается при эгоцентрическом употреблении слов с пространственной семантикой, подразумевающим, что пространственным ориентиром, относительно которого ведется описание, является воспринимающий субъект. Актуальным оказывается:

а) положение субъекта в центре сферы распространения физического явления. Например: *Неистовый вопль раздался со всех сторон* (Достоевский); *Лежу в могиле, умираю, Молчанье, мрак со всех сторон...* (В. Брюсов); *Вот кто-то с ласковым пристрастием, Со всех сторон протянет тьму, И я упыюсь недолгим счастьем: Быть без людей, быть одному!* (В. Брюсов).

б) степень удаленности воспринимающего субъекта от источника света, звука, запаха. Здесь противопоставлены с точки зрения выражения интенсивности – неинтенсивности определения: *близкий – далекий, дальний, отдаленный*. Например: *Я также молчал и ждал, очень внимательно почему-то прислушивался к далекому и одинокому лаю собаки* (Андреев); *Сумерки... К вечерне Слышен дальний звон*. (Цветаева).

Таким образом, в рамках пространственной метафорической характеристики интенсивности абстрактного признака проявляют себя две устойчивые модели, приобретающие различные модификации в зависимости от характера обозначаемого признака: **модель величины**, рассматриваемая здесь на примере сочетаний отвлеченных существительных с параметрическими прилагательными, и **модель заполненного вместилища**. Для выражения степени проявления сенсорно воспринимаемого признака используется, кроме того, специфическая **модель локализации относительно пространственного ориентира**.

Резкой грани между характеристикой эмоций и сенсорно воспринимаемых явлений не наблюдается. В лирических текстах метафора ориентирована на субъективное отражение мира, так как сенсорно воспринимаемые явления тяготеют здесь к эмоциональному их переживанию.

Литература

Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147 – 173.

Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979.

Телия В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости// *Аспекты семантических исследований*. М.: Наука, 1980. С. 251 – 319.

Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке. Уфа, 1998.